

РАЗДЕЛ 1.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. И. Горлова*

ЮГ РОССИИ: КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Развитие культуры на Юге России характеризуется противоречивыми тенденциями роста культурного многообразия и моноэтничности, регионализации и глобализации. Социально-экологичная культура современности может развиваться лишь на основе культурного диалога, повышения культурной компетентности и культурной толерантности, обеспечивающих социальную сплоченность.

Ключевые слова: Юг России, культурное многообразие, культурный диалог, культурная компетентность, социальная сплоченность, экология культуры.

Юг России является не только географическим, геополитическим, культурным пространством динамичных взаимодействий, но и зоной активного регионогенеза. Однако регионогенез северокавказских социумов в пространстве и во времени асинхронен, что усложняет картину этнических, культурных и прочих взаимодействий. Взаимодействие около 100 самобытных народов, говорящих на 90 языках, является одновременно живым социальным и культурным сотворчеством. С одной стороны, в регионе еще сильны традиции кланово-родовой самоорганизации, этноэкономики, традиционного этикета, с другой стороны, кавказские социумы подверглись модернизации в советский и постсоветский период. Анализ регионогенеза непосредственно связан с вопросом территориальной самоидентификации, адекватным самосознанием культурного образа территории, ее ценностного содержания. Конец XX и начало XXI в. в этом регионе характеризуются двумя разнонаправленными идеологическими тенденциями: с одной стороны, развитием ан-

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com.

титрационализма, западной массовой культуры и кризисом коммунистической идеологии, а с другой – ретрационализацией в форме религиозного фундаментализма. В 1980–90-х гг. ведущим вектором в определении идентичности проживающих на Кавказе этносов стала религиозная доминанта христианства, ислама, буддизма, иудаизма. Традиционализм некоторых национальных культур может сказываться отрицательным образом на фактах модернизации, отторгая эти процессы, как это было и в советские времена. Из процесса модернизации могут быть выключены целые регионы, в то время как новая экономическая и интеллектуальная культура захватывает лишь русскоязычное и украинское население или узкую верхушку национальной элиты.

Исследование культурного пространства Юга России нуждается в использовании как традиционных, проверенных научных методов, так и методов неклассической науки. Главная методологическая задача состоит в том, чтобы раскрыть Северный Кавказ как специфический регион с многообразным и даже поливариантным набором культур, а с другой стороны, выявить общие закономерности и тенденции.

В советский период основным методом в кавказоведении являлась марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций. Однако в силу неравномерности развития социумов региона и их периферийности исследования принадлежности тех или иных народов Северного Кавказа не позволили определить однозначно их исторический статус. Их место в историческом процессе априорно предполагало социально-экономическую отсталость (родовой, полуфеодальный строй и пр.), а также вытекающую из нее необходимость экономической и социально-политической модернизации. В рамках советского проекта это означало, что северокавказские социумы должны осуществлять подобную модернизацию на основе коммунистической идеологии. Кризис практики и идеологии коммунизма автоматически девальвировал методологическую роль теории общественно-экономических формаций и автоматически повысил методологический статус культурологических и цивилизационных концепций.

Иначе, чем в индустриальном обществе, встала и проблема культурного многообразия [4]: оно стало рассматриваться не как недостаток в линейном движении прогресса, а как основное богатство человечества и залог успешного развития. Однако не все так просто: процесс развития культуры человечества через ее

многообразии входит в противоречие с развитием цивилизации, что было вскрыто еще такими философами и мыслителями как Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер. Противоречие культуры и цивилизации проявляет себя как на глобальном, так и на локальном уровнях, в частности, в виде противоречий эпохи глобализации. Глобализация порождает новые формы единства и различия, развитие этнических и национальных культур может осуществляться в условиях сохранения самобытности, что находит выражение в этнических и иных конфликтах. Все это требует соответствующих политических и институциональных решений.

С точки зрения теории культурно-исторических типов (философско-исторический подход) Н. Я. Данилевского, северокавказский культурно-исторический тип можно считать молодым, формирующимся и даже «пассионарным» (по терминологии Л. Гумилева). Это возможно, если в перспективе данный тип сможет достигнуть целостности, консолидации на основе общих ценностей. С точки зрения философско-исторической социодинамики, должен сложиться такой тип концептуализации ситуации в регионе, когда судьба социумов и этносов берется во всемирно-историческом разрезе. Авторами, использующими цивилизационный подход (В. Е. Давидович, Р. Х. Абдулатипов [1], М. Р. Гасанов [3] и др. [2]), было сформулировано предположение о существовании «кавказской цивилизации», «цивилизации Северного Кавказа», «цивилизации Дагестана», «горской цивилизации Кавказа». Дальнейшая реализация такого регионалистского подхода приводит к мысли о существовании цивилизаций отдельных народов, например, адыгов. Концепция межцивилизационных столкновений Сэмюэля Хантингтона рассматривает Кавказ как зону глобального межцивилизационного конфликта западной и исламской цивилизаций (в эпицентре «тектонического» разлома Балканы – Кавказ – Тибет) на территории, где вспыхивают искры третьей мировой войны. Таким образом, многозначность понимания того, что такое цивилизация, порождает самые различные «картины мира, отражающие такое социальное и культурное пространство, как Кавказ.

Методологический сдвиг в исследовании этой проблематики можно ожидать на пути использования принципов и эвристик неклассической методологии, например, на основе сочетания классической системной методологии и синергетики. Системно-структурный подход продуктивен в исследовании

стабильных, устойчивых систем, обладающих высокой степенью замкнутости и внутренней однородности. Однако обратной стороной такой методологии является слабость при исследовании систем с высоким уровнем внутреннего многообразия, при исследовании неравновесных и слаборавновесных систем. Механизмы перехода от «хаоса к порядку» в социально-культурной области могут быть отображены с помощью *синергетической* методологии [5]. Синергетика как теория самоорганизации сложных систем предоставляет продуктивные эвристики для описания процессов перехода от состояний нестабильности к состоянию стабильности, от состояний высокой неупорядоченности к состояниям равновесия и стабильности. Поскольку исследуемый регион находится в ситуации нестабильности, «системного кризиса», то принципы системно-структурного анализа в этих условиях явно недостаточны. Методологическая дополнительность в данном случае будет заключаться в том, чтобы использовать для исследования явлений с высокой степенью нерегулярности и энтропийности принципы *постструктурного* анализа. В постструктурализме именно нерегулярности, неустойчивые, отклоняющиеся состояния, девиантные формы становятся основным объектом исследовательского внимания.

Одна из закономерностей долгосрочного характера, которую необходимо учитывать в практике управления, заключается в том, что Кавказ – зона *пассионарной* активности (Л. Н. Гумилев) и *синергетического* самоструктурирования. Характеристики «кавказского» типа личности, условия культурного многообразия и культурный синкретизм, повышенное национальное самосознание и жертвенная активность даже вопреки чувству самосохранения свидетельствуют, что Северный Кавказ является пространством, на котором идут активные процессы нациогенеза, он представляет собой зону повышенной пассионарной активности. Примером может служить современная ситуация в Чечне, являющаяся результатом этносоциальных и этнополитических процессов внутри титульного этноса, который в 1980-90 гг. стал самым многочисленным на Северном Кавказе [6]. При этом процессы синергетического самоструктурирования этносов и социумов Юга России происходят в ситуации «вызова» (А. Тойнби). Кавказ и Юг России оказались в зоне усиленного геополитического влияния других цивилизаций и государств.

В советский период на Северном Кавказе сложился определенный баланс, способствующий взаимному «проращению» раз-

личных культур друг в друга, их толерантности и дружелюбности, что определялось универсальным характером и авторитетом русской культуры, а также монополией социалистической идеологии. Сейчас важную роль в культурной самоидентификации кавказских этносов играет традиционная культура. По существу, в современной духовной ситуации сосуществуют традиционные и нетрадиционные духовные ценности, в том числе ценности массовой культуры. При этом каждому из этих видов культуры присущи двойственные функции. Традиционная культура обладает высокими адаптивными свойствами, но ее носитель способен стать маргиналом в условиях интенсивных модернизационных процессов. Традиционная культура высокоэкологична, но в то же время она является носителем архетипов, которые могут стать основой национальной нетерпимости, источником «варваризации».

Крах социализма и распад СССР вызвали кризис идентичности как у горских народов, так и у русских и русскоязычных жителей Северного Кавказа. В условиях современного культурного плюрализма здесь можно выделить следующие основные проблемы культурно-цивилизационного взаимодействия и развития:

- проблема модернизации в условиях экономического кризиса и реставрации традиционализма;

- проблема культурной самоидентификации (народов, этносов, регионов) в условиях их территориальной нелокализации;

- проблема культурного диалога традиционной этнической культуры этносов с российской культурой;

- проблема диалога культур кавказских народов;

- проблема выбора культурной доминанты: Запад, Россия, панисламизм, пантюркизм.

Перечисленные проблемы нашли свое конкретное выражение в политике, культуре, социальной психологии, мировоззрении народов [8].

Если советская культура строилась на принципах моноцентризма, а советские ценности имели форму метакультурных по отношению к национальным и этническим ценностям, то в 1990-е гг. в период деконструкции СССР стали доминировать тенденции суверенизации, регионализации на основе реставрации и актуализации традиционных этнических, национальных, религиозных ценностей. Историческая память и формируемый на ее основе традиционный менталитет привели

к новой игре идентичностей, возникли явления национальной и религиозной исключительности, архаизации, традиционализации. На Северном Кавказе после разрушения метакультурной основы в виде советских идеологических ценностей в качестве истинных и основных предстали этническая культура, этноэкономика, этнополитические ценности. Это привело к новым отношениям между местным населением, диаспорами и миллионами трудовых мигрантов, осложненным формированием новых социальных, возрастных и гендерных групп, в то время как некогда существовавшая культурная общность потеряла значение. В регионе реставрировались этническая ментальность, кланово-семейная форма социальных связей, авторитарно-религиозные и авторитарно-политические формы решения проблем. Во многих республиках Северного Кавказа стала складываться ситуация моноэтничности, а региональная культура превращаться не в провинциальную, а оппозитивную, вступая в тесный контакт с исламскими культурными регионами зарубежья через религиозные ценности. Вряд ли это можно считать эффективной формой модернизации культуры региона в условиях вестернизации, скорее это стихийная защитная форма самосохранения в ситуации кризисности. Глобализация же означает, что этносы Северного Кавказа должны цивилизованно обрести свою идентичность в поле культурного многообразия. Однако культурная модернизация в регионе часто ведет не к секуляризации, а к религиозному традиционализму.

Ситуация Постмодерна в культуре в значительной степени означает смерть универсальных идеологий и переход к принципу многообразия, плюрализма. В правовом аспекте эта ситуация в цивилизованном обществе опирается на культурные права, на равенство всех культур: все культуры, все языки, все народы равноправны с точки зрения принципа культурного разнообразия. С другой стороны, равенство прав означает, что единственным поиском истины, в т. ч. и истинных ценностей, становится межкультурный диалог (полилог) культур. В этом случае общая форма культуры как на глобальном, так и на региональном уровне должна быть податлива этому и приобрести форму инклюзивной культуры*.

* «Диверсификация «культурных ландшафтов» стала органичной чертой каждого общества, а текущее межкультурное взаимодействие вошло в повседневные жизненные практики каждого человека, оно протекает в конкретных, зачастую достаточно локальных пространствах, что заставляет еще раз обратиться к известному и конструктивному принципу «думать глобально, действовать локально» [7].

В связи с тем, что в условиях глобализации каждая точка культурного пространства ставит индивида в условия культурного многообразия и полилога, возникает потребность в повышении культурной компетентности. Культурная компетентность предполагает широкую культурную включенность и основана на равноправии культурных статусов всех народов и личностей. Она предполагает отказ от культурной изоляции, культурной исключительности и способствует включенности всех граждан в политику для культуры, означающую развитие культурных потребностей всех граждан через творческое участие. Свобода и сотрудничество также являются важными принципами проявления культурной компетентности. В связи с этим, большую роль в культурной компетентности занимают эстетические и нравственные вкусы, эмоциональная культура, для развития которой большое значение имеет социализация через художественную культуру, искусство. И все это культурное многообразие и свобода культурного потребления не должны нарушать стабильности общества, а способствовать его сплоченности. Это одна из коренных проблем, на которую обратил внимание Совет Европы. Проблема культурного многообразия и единства, в свою очередь, осложняется в Европе и России этническим многообразием. Совет Европы так определяет единство культурного многообразия в сплоченном обществе: «Социальная сплоченность в понимании Совета Европы характеризует способность общества обеспечить благополучие всех своих членов, минимизируя неравенство и избегая поляризации. Сплоченное общество – это сообщество свободных индивидов, преследующих эти общие цели демократическими методами и ориентированное на взаимную поддержку» [9].

Таким образом, в цивилизационно-культурном взаимодействии на Северном Кавказе идет борьба различных тенденций как консенсусного, так и конфликтного характера. С ослаблением доминантной роли русской культуры культурное пространство Северного Кавказа сегментировалось, возросло значение традиционных форм культуры народов региона. Очевидна также тенденция замещения доминантной роли российской культуры западной массовой культурой или различными исламскими вариантами.

С нашей точки зрения, важнейшие принципы современного межкультурного полилога могут быть обоснованы в рамках социально-экологического подхода. Постулаты экоразвития допускают наложение культурных ограничений и запретов на

некоторые виды деятельности и формы ее осуществления. Эко-развитие – форма социально-культурного развития общества, учитывающая экологические ограничения для данного исторического момента и направленная на сохранение условий и ресурсов среды. Экологическому ограничению подлежат, например, опасные генетические, психологические, информационные и др. изменения и влияния на личность и социум. Оптимальным будет такое состояние, когда культура этноса обеспечивает его нормальное существование и воспроизводство, приемлемый социальный комфорт и адаптацию к окружающей природной и социальной среде. Социально-экологическая культура табуирует антигуманные тенденции в разных сферах: государственной политики, идеологии, средствах массовой информации, конфессиональной, профессиональной, повседневной. Эти ограничения особенно значимы для конфликтных зон и кризисных социумов. В ситуации кризиса культуры, когда она не обеспечивает самоорганизацию и адаптацию этноса, в обществе начинает доминировать инстинкт, иррациональные мотивы, культ силы.

Проблема насилия – центральная для социальной экологии Северного Кавказа. В образе жизни горских народов исторически сложился культ силы, и он занимает достаточно важное место в их современной социальной среде. Сложность российской политики состоит в том, что без силовых методов на Северном Кавказе не обойтись, но и одной лишь силой не представляется возможным урегулировать имеющиеся там конфликты. Диалектическое разрешение этой антиномии видится в том, чтобы с помощью силовой политики государства локализовать открытое социальное насилие и канализировать его в легальные, правовые формы осуществления. Результатом действия социально-экологических табу (политических, правовых, информационных и др.) должна стать сублимация отрицательной энергии в позитивное русло, в энергию социального творчества.

Использованная литература:

1. Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. №1. С. 56–58.
2. Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 2007.
3. Гасанов М. Р. Дагестанская цивилизация: Некоторые проблемы и особенности // Известия ДГПУ. 2007. №1. С. 9–16.

4. Гриценко В. П. Культура: взаимодействие глобализации и регионализации // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3 (50). С. 7–11.

5. Гриценко В. П. Границы применения синергетического метода в социальных науках // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4. С. 33–36.

6. Карпов Ю. Ю. Новейшая история Чечни в свете этноисторических процессов // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 66–67.

7. Усманов Д. И. Культурный плюрализм в условиях глобализации. Доклад эксперта [Электронный ресурс] // Белгородская модель ООН [сайт]. URL: <http://oon.bsu.edu.ru/docs/pluralizm.pdf> (дата обращения: 15.11.13).

8. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 154–167.

9. White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”, Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008) [Electronic resource] // Council of Europe [website]. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf (accessed November 15, 2013).

THE SOUTH OF RUSSIA: THE CULTURAL DIVERSITY AND THE INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

GORLOVA Irina I., Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural
and National Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: ii.gorlova@gmail.com

Development of culture in the South of Russia is characterized by contradictory trends of growth of the cultural diversity and monoethnicity, regionalization and globalization. Socio-ecological culture of modernity can only develop on the basis of cultural dialogue, which increases cultural competence and cultural tolerance, ensuring social cohesion.

Keywords: *the South of Russia, cultural diversity, cultural dialogue, cultural competency, social cohesion, environmental culture.*